

Персона

1967

— родился в студенческой семье, благополучно которой, по словам самого Гришкова, заключалось именно в том, что это была — семья: бабушка ребенка не подкидывали, всюду возили с собой.

1984

— поступил на филфак Кемеровского университета (окончил торфок через 10 лет, поскольку был призван в армию: три года в морфлоте). Там же, на филфаке университета, познакомился с девушкой Леной. Сейчас у них двое детей: дочь и сын.

1998

— впервые, для семнадцати зрителей, в курилке у буфета в Театре Российской армии Гришковец показал моноспектакль «Как я съел собаку» — так началось покорение Москвы.

1999

— Гришковец получает свою первую премию «Антибукер» за пьесы «Зима» и «Записки русского путешественника». Затем последовали «Золотая маска» (2000) и премия «Триумф» (тот же 2000-й).

Персона

Евгений Гришковец:

Россия, как яйцо: разбить — запросто, а раздавить — никак

Гришковца стало очень много — он в кино, на телевидении, на книжных полках... Это, впрочем, никак его не изменило. И разговор с ним воспринимается как встреча с самим собой, только более точным и памятливым.

Я принципиально нестоличный

Вышло так, что в день нашего разговора Гришковцу было совсем не до интервью. Поверьте, причина была серьезная и более чем достаточная для отказа. Но он не отказался:

— Когда разговариваешь, отлегаешь, честное слово.

— Может, за это его и полюбили — за разговоры, от которых отлегаешь. И у него, и у нас.

— Почему ты живешь в Калининграде? По-моему, статус давно требует переезда в Москву.

— Потому что город понравился. Я выбрал Калининград и до сих пор не жалею. Мне просто пора было уезжать из Кемерова — настолько там оброс людьми, связями, привычками... Это не давало заниматься ничем новым. Семь лет я делал там театр. Сначала меня любили, потом привыкли, потом я надоел.

— То есть в твоей пьесе «Город» все более-менее точно?

— Абсолютно. Я переехал восемь лет назад. И два года сидел тихо, работал лабораторно — выдумывал «Как я съел собаку» и другие моновещи. Это был новый жанр, в Кемерове не делали ничего подобного. Потом стал показывать это — в том числе в Москве... В Калининграде я не совершил двух ошибок: во-первых, не стал делать театрик и ни от кого не зависел. А во-вторых, не переехал в Москву, когда начался успех. Я человек принципиально нестоличный. И как сказано у меня в новом сценарии, у провинциала всегда всегда возможность больше. Он может уехать в Москву. Это всегда маячит на заднем плане. Вероятно, по складу своему я человек, которому нужна такая возможность, как фон — чтобы... никогда ее не использовать. Я не очень хорошо умею говорить «нет». И поэтому, когда меня зовут сходить туда-то, выступить сям-то и посмотреть то-то — мне проще сказать: «Я в Калининграде». И не соврать при этом.

Москва в скобках

— Мне как москвичу обидно. У меня тоже есть свой последний шанс — уехать в провинцию.

— Это не шанс, а возможность подвига. Провинциалов, стремящихся в Москву, — миллионы, а подвижников, покидающих Москву, — единицы. Про это, собственно, и фильм, который я снимаю в новом году.

— Можно сказать, что после кемеровского театра и моноспектаклей начался новый Гришковец — третий? И что это будет?

— Вот фильм и будет. Правда, уже четвертый Гришковец, потому что после моноспектаклей была еще проза — «Рубашка», «Реки», «Планка». А сейчас я написал сценарий, который называется («Москва»). Москва в скобках. Это монолог провинциального гостя без обратного билета.

Русская критика русского Канта

— То есть ты и в жизни — в том числе театральной — находишься несколько в Калининграде?

— Именно так. Не в центре, не в толпе и при этом близко к Европе. Калининград — последний большой военный трофей России. Правда, в моем выборе

объектов в городе — снимать придется много.

— Можно подумать, что конфликт Москвы и провинции — чуть ли не главный в России...

— Не только в России: в любой большой стране с мощной столицей и серьезными расстояниями. Но Москва — на фоне прочих мировых столиц — уникальна вот чем: допустим, кто-то из французов едет в Париж. И говорит: я хочу пройтись по Монмартру. Англичанин собирается в Лондон: увидеть Биг-Бен, Гайд-парк, Пикадилли. Но мало кто из русских едет в Москву для того, чтобы прогуляться по бульварам. Сюда едут не гулять. Поэтому Москва — самый интересный город. И поэтому ее так колбасит.

— А колбасит?

— А ты не чувствуешь? Ее от конфликта приезжих и местных буквально разрывает. Поэтому я хочу сделать картину примиренческую. Правда, в последнее время конфликт как-то ослаб — я это заметил, когда в провинции полезла вверх цена на квадратный метр. Разница нивелируется. До конца никогда не уничтожится, конечно, — но кое-какая стабильность стала ощущаться и за пределами Москвы.

— А тебя не бесит эта стабильность? Не кажется, что это тонкая корка на кипящем болоте?

— Так и есть, с двумя поправками. Первая: корка очень толстая. Вторая: так было всегда. Россия и состоит из бушующей лавы — и коры с огромным запасом прочности. Представь себе сырое яйцо: внутри все жидкое, живое, текучее. Но раздавить его снаружи — яйцо так устроено — почти невозможно. Разбить — запросто. А раздавить в кулаке — никак. Россия и есть такое яйцо. Она неуклонно самовоспроизводится в одних и тех же формах. Она — абсолютная константа, и больше скажу: каждый ее город так же постоянен, бережет и воспроизводит собственные

черты, свое личное сочетание величия, убожества, спеси, душевной широты... Россия все вбирает, все осваивает и ни в чем не изменится — яйцо тоже можно помять, но сути его это не изменит. Хоть оно красное, хоть в крапинку.

— А у тебя не возникает проблем с таким разделением?

— Никогда. Я умею разделять маску и автора. Очень многие зрители — особенно в провинции — не умеют. Им трудно понять, что Гришковец, который «съел собаку», и

«Моя немощная интуиция подсказывает, что каких-то великих потрясений теперь не будет долго. Будет так называемая стабильность».

Мы не сложились в поколение

— Ты говоришь о стабильности, а в результате весь 2006 год — как серая однородная масса...

— У меня не так. Год был очень активный и результативный. Я написал книжку рассказов. Выпустил новый альбом «Секунда» с группой «Бигуди». Написал сценарий. Сделал ролики для СТС. Все в абсолютных новых для меня жанрах.

— Начнем с роликов: ты намерен продолжать этот цикл?

— Зачем? Он был рассчитан на год. Тут меня привлекала задача: сделать мини-моноспектакль на полторы минуты. Но у каждого ролика есть своя композиция и смысл... Это очень трудно было. И люди смотрели. В особенности дети — потому что по времени это шло обычно перед детскими сериалами. Сначала, наверное, думали, что я сейчас порекомендую какие-то таблетки. Но потом поняли, что таблеток не будет. Реклама — да, но реклама жизни...

— А как вообще получился проект с «Бигудями»?

— С музыкантами я познакомился сам, предложил поработать — они оказались не против. Идея была — шагнуть в клуб. С театром я тогда внутренне боролся. Мне хотелось говорить с другой аудиторией. Я и спектакли показывал в клубах, но все-таки читать монопесню два часа — не совсем клубный формат. А тексты под музыку, которые мы делаем с «Бигудями»... В последнем альбоме появились даже текучие какие-то, внутренние рифмы. Но это ни в коем случае не рэп. Это именно песня, только в прозе. Сначала я перед концертами говорил: извините, петь не буду, жанр другой... А сейчас у нас 5–6 концертов в месяц. Эта форма прижилась, на нее ходят.

— Многие — в том числе и я — пишут, что ты разрушаешь театр. Переносишь его в клуб.

— От театральных людей я таких упреков не слышу. Они знают, что я — их человек, театр до мозга костей, и умеют отделить меня от моего героя... Гришковец, который это рассказывает, — разные люди. Потом, что значит — «разрушить театр»? Перенести в клуб — не значит разрушить. Я не сыграл ни одного корпоративного спектакля.

— А приглашали?

— А то! Но это не мое.

— Но чувство, что ты уже ведем, что тебя рвут на части, что ты сам себе не принадлежишь...

— Иногда, в минуты крайней усталости и недовольства собой. Но это быстро проходит.

— Очень многие в свое время писали, что вот — пришло свободное поколение. Этим не согнешь, не отнимешь частную собственность... И что же мы видим? Нагнуть сорокалетнего — не вопрос.

— Видишь ли, я думаю, что мы все-таки не сложились в поколение — нас слишком мало. Мы — из демографической ямы, дети детей войны. Мы застали советскую власть, прожили при ней около двадцати лет. Застали девяностые и жили в них — но у нас была советская закуска, согласно которой деньги не главное...

— А что главное?

— Сказал бы, что идеи, но не скажу. Мы успели столкнуться с государством, с его всевластием, но не успели сильно обидеться. Поскольку государство было уже дряхлосубое. В силу демографической ямы малочисленность ощущается физически, так что к своим — около сорокалетним — мы довольно бережно относимся. Правда, минус у этой ямы все равно был — в частности всех гребли в армию, в том числе студентов...

Гришковец, который это рассказывает, — разные люди.

— А что было?

— Вот эта русская способность в критический момент сказать «Да и... с ним!» — это залог наших побед или причина всех поражений?

— Безусловный залог побед.

В России очень хорошо умеют вовремя сказать: «... с ним!» — и спокойно пойти по жизни дальше, не отвлекаясь на бессмысленную рефлексию. Это наше стратегическое оружие.

— Когда ты вел недавний вечер мужского журнала GQ — на пару с Цекало, — ты вдруг перестал шутить, взялся за голову и сказал: «Господи, мне сорок лет!» Часто у тебя бывает такое?

— В смысле конференса — нет, нечасто. Я решил, что это будет первый и последний опыт, хотя предложения нам с Цекало посыпались сразу. А что касается «мне сорок лет» — да, периодически я беру в руки свою небольшую, пятьдесят седьмого размера голову и горюю: вот моя голова, она такая

Главная черта сорокалетних и близких к тому — это универсальность. Я, например, интересен всем поколениям, а не только своему. Остропоколенческие черт у меня нет, и у тебя, кстати...

Мы находим общий язык с шестидесятниками, семидесятниками, девяностниками — потому что видели два мира и в обоих успели пожить. И понимаем, что разница между ними принципиальная, что и при советской власти, и при капитализме можно быть человеком. Маленькое поколение, но хорошее.

Главное, вовремя сказать: «... с ним!»

— Ты прославился чуткостью к эпохе. Что останется от двухтысячных годов?

— Ну как же ты хочешь, чтобы я это угадал, когда все так быстро меняется? Что осталось от восьмидесятых—девяностых? Сейчас уже вспомнить трудно эти первые кооперативные магазины, где была пицца размером с ватрушку; цветные ночные киоски со спиртом «Рояль»; баночку из-под пива на століке в кафе в качестве пепельницы... Свой первый мобильный телефон я купил в двухтысячном году... А сейчас непонятно, куда этот телефон засунуть, чтобы он не звонил и не дергал тебя ежеминутно. Люди — в особенности наши — привыкают ко всему мгновенно. Я в девяносто первом году впервые поехал за границу, в Бельгию. И поразился: они в ресторане заказывают воду! Простую воду, хотя можно пиво! И в Кемерове рассказывал, и мне не верили: можно ведь из-под крана налить. Что ты думаешь — через каких-то десять лет даже кемеровские пенсионеры покупают воду в бутылках и варят на ней суп. Она лучше, чем из-под крана.

— У тебя есть рассказ, как боцман заставлял тебя и твоего приятеля-грузина тащить на корабль тяжелейший трансформатор из поселка за пять километров...

— За девять!

— Ну, за девять... А когда он не подходит, боцман говорит, что завтра вам тащить его назад. И тогда грузин с воплем выбрасывает его за борт, а боцман — вместо ожидаемого зрелища — спокойно говорит: «Да и х... с ним!»

— Так и было.

— Вот эта русская способность в критический момент сказать «Да и... с ним!» — это залог наших побед или причина всех поражений?

— Безусловный залог побед.

В России очень хорошо умеют вовремя сказать: «... с ним!» — и спокойно пойти по жизни дальше, не отвлекаясь на бессмысленную рефлексию. Это наше стратегическое оружие.

— Когда ты вел недавний вечер мужского журнала GQ — на пару с Цекало, — ты вдруг перестал шутить, взялся за голову и сказал: «Господи, мне сорок лет!» Часто у тебя бывает такое?

— В смысле конференса — нет, нечасто. Я решил, что это будет первый и последний опыт, хотя предложения нам с Цекало посыпались сразу. А что касается «мне сорок лет» — да, периодически я беру в руки свою небольшую, пятьдесят седьмого размера голову и горюю: вот моя голова, она такая

партнер

Александр Цекало, продюсер:

— Какой он человек? Не с этой планеты определено. Очень чувствительный, совершенно не принимающий, не признающий Москву — и не желающий ее признавать. Бойтся ассимилироваться, стать ничемным напыщенным москвичом. Бойтся разрушить свой мир. А он мало кого пускает в этот мир. Я был у него дома в Калининграде — это совершенно особенное место: жена, дети, даже собака — все пропитано особым духом! На них планешь — и сразу ясно: это Гришковцы!..

Женя окончил филфак. Диплом писал о поэтах Серебряного века, и это неслучайно. Мне кажется, он весь пропитан изяществом того века. Но с другой стороны, он не инфантильный интеллектуал, он взыскателен и требователен в работе: предъявляет претензии прежде всего к себе — и, разумеется, к другим. Хотя лично мне работать с ним легко и приятно. Наш спектакль «По По» для меня настоящая отдушина.

партнерша

Анна Дубровская, актриса:

— Когда мы с Женей готовили к сдаче спектакль «Планета» — а было это четыре с половиной года назад, — помню, меня даже пугало чувство невероятной радости и легкости, с которым работала. Абсолютно никакой нервозности! Мы много говорили о жизни, о своем отношении к каким-то явлениям — и, собственно, из этого складывалась работа, так проходили репетиции. Ни с одним другим режиссером никогда такого не было.

Женя — человек многогранный и многослойный. В нем намешано много разного, противоречивого, причем в каждую конкретную минуту ты ощущаешь эту многогранность. Но никаких проблем в связи с этим не возникает, во всяком случае, у меня.

маленькая, а сколько же в ней говна!

— Кризис среднего возраста, выходит, не миф?

— Не миф, но он был раньше. В момент «Города», переезда...

— В «Городе» герой даже сенью еде сохранил — а ты?

— Семью я сохранил, но обещание полностью поменялось. Весь круг другой.

— А вкус? Типа эстетические пристрастия?

— Они довольно постоянны как раз. В театре, если в Москве, — это Петр Фоменко. Еще — театр «Тень». Вырыпаев: хотя и дикий человек, но чрезвычайно талантливым. Я, правда, еще не видел «Июля», и есть опасение, что религиозный пафос может ему повредить. Но речевая стилистика у него бушует как мало у кого. Что до остальных пристрастий — я ощутил себя реалистом и даже соцреалистом. Я

собираю сейчас, например, картинку с индустриальными пейзажами. Со времен освоения целины и до начала восьмидесятых. Там есть цельность, люди работали на совесть.

— Ну ладно, в конце новгородных интервью принято спрашивать про будущее...

— Ну я же не астролог!

— А в общих чертах? — В общих — даже моя немощная интуиция подсказывает, что каких-то великих потрясений теперь не будет долго. Будет так называемая стабильность или по крайней мере ее прочная видимость. С тем же буйством и кипением внутри, под коркой. Но надо учиться жить и работать без скидок на великие катаклизмы, которыми мы уже привыкли оправдываться. Просто жить по-человечески каждый день. Это и есть самое трудное.

■ Дмитрий Быков.

фото Андрей Струнина